

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ ХИЩЕНИЯ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В. В. ХИЛЮТА*

В статье рассматриваются доктринальные вопросы понимания сути корыстной цели при совершении хищения чужого имущества. Исследуется онтология корысти в аспекте развития науки уголовного права и практики правоприменения норм уголовного закона. Автором детально рассматриваются такие понятия, как «корысть», «корыстная цель», «корыстный мотив» и др., раскрывается их методологическое значение для практики квалификации хищений и преступлений против собственности. Указывается на противоречивость действующего законодательства и расширительные аспекты правопонимания корыстной цели в науке уголовного права. Исходя из сути объективной стороны совершения хищения, автором моделируется содержательный аспект субъективной стороны данного состава преступления и указывается признак, отражающий цель хищения. В обозначенном ракурсе выдвигаются тезисы и намечается проблемное поле исследования, а также варианты разрешения возникших коллизий и противоречий. По мнению автора, корыстная цель сегодня не может рассматриваться как цель извлечения имущественной выгоды, вследствие чего цель хищения следует увязать со способом действия. В данном вопросе формулировка цели должна соответствовать описанию объективных признаков форм хищения и закономерно вытекать из внешне осязаемой преступной деятельности при совершении посягательств на абсолютные права собственности. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** хищение, корысть, корыстные преступления против собственности, корыстный мотив, имущественные преступления, имущественная выгода.

KHILYUTA V. V. EMBEZZLEMENT WITH A MERCENARY PURPOSE: EXPERIENCE OF THEORETICAL MODELING AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

The article examines doctrinal issues of understanding the essence of a mercenary purpose while committing embezzlement of another's property. The author studies the ontology of lucre in terms of development of the criminal law science and the practice of enforcing the norms of criminal law. The author examines in detail such notions as "lucre", a "mercenary purpose", a "mercenary motive" etc. and reveals their methodological significance for qualification of embezzlements and property

---

* Хилюта Вадим Владимирович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Гродненского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Khilyuta Vadim Vladimirovich — head of the Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty of the State University of Grodno, candidate of legal sciences, associate professor.

E-mail: tajna@tut.by

© Хилюта В. В., 2014

crimes. The author points out the controversial character of the current legislation and extensive understanding of a mercenary purpose in the criminal law science. Based on the essence of the objective element of embezzlement, the author models a conceptual aspect of the subjective element of this crime and identifies a feature which reflects the purpose of embezzlement. Within this approach, the author puts forward theses and outlines the problematics of the research, as well as the ways to solve the arising collisions and contradictions. According to the author, the mercenary purpose nowadays cannot be viewed as a purpose of deriving property benefit. As a result, the purpose of embezzlement should be connected with the method of action. The statement of the purpose should correspond to the description of objective features of embezzlement forms and should logically come from externally tangible criminal activity while infringing absolute ownership rights. KEYWORDS: embezzlement, lucre, mercenary property crimes, mercenary motive, property crimes, property benefit.

Давно общеизвестно, что преступная корысть является одним из самых древних и очень опасных стимулов антиобщественного поведения людей. Преступное корыстолюбие как отрицательное качество и как факт общественной жизни возникло и развивалось вместе с собственностью, антагонистически противоречиями между трудом и капиталом, личными и общественными интересами.

С учетом этапов развития цивилизации корысть в жизни человека выполняла различные функции. Первоначально мотив корысти вызывался необходимостью удовлетворения природного инстинкта самосохранения человека путем утоления (за счет своего соплеменника или родича, чаще всего лишая его жизни) чувства голода, приобретения средств и орудий охоты, промысла, жилья и одежды и т. д.¹ На данном этапе человеческого развития корыстная мотивация (целенаправленность) преступного поведения не является основанием различения преступных посягательств на собственность и дифференциации ответственности за них, так как господство общинных форм собственности не способствует распространению корысти как таковой² (чем больше экономическое равенство, тем слабее выражены хищнические мотивы, корысть заменена мотивами кровной мести).

Дело в том, что в ранний период развития человечества главным объектом собственности была пища. Коллективная собственность и уравнительное ее распределение определялись объективной необходимостью в нейтрализации случайности при добычании пищи, в условиях, когда «весь или почти весь общественный продукт является жизнеобеспечивающим, когда избыточный продукт отсутствует или мал».³ Постепенно материальные блага, присваиваемые непосредственно как продукты природы, стали

¹ Козаченко И. Я. Содержательно-функциональная дифференциация корысти (состояние и перспектива) // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Мат.-лы II Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. М., 2003. С. 219.

² Безверхов А. Г. Имущественные преступления: Автореф. дис. ... д. ю. н. Ижевск, 2002. С. 23.

³ Хрипушин Э. Н. Сущность и законодательное становление категории корысти в уголовном праве России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2013. № 1. С. 137.

дополняться вещами, орудиями, созданными самим человеком. Корыстные устремления на данном этапе реализуются группой, родом, племенем и направлены на прибавочный продукт другой группы, рода, племени. Здесь корысть носит коллективный и эпизодический характер. Как полагают М. Г. Миненок и Д. М. Миненок, именно стремление к присвоению появившегося прибавочного продукта и есть не что иное, как корысть.⁴

В самом общем виде корысть есть стремление одних людей к завладению средствами существования других. Таким образом, корысть как стремление к присвоению материальных ценностей появляется при определенных социальных предпосылках. Как таковая она появляется вместе с возникновением частной собственности и государства, разделением общества на классы. Этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что с развитием отношений собственности и порождением социально-экономического неравенства корыстные намерения стали причиной разделения и выделения преступлений против имущества от повреждения чужой собственности.

Вместе с тем развитию имущественных отношений соответствует усложнение объекта имущественных посягательств, что в свою очередь влечет изменение понимания корыстной цели в преступлениях против собственности (имущественных преступлениях). Если, например, при похищении имущества путем насилия и угроз (при грабеже или разбое) корыстную цель можно определить как приобретение виновным чужой движимой вещи к сфере своего фактического господства, обращение имущества в собственность виновного, то последующее общественное развитие требовало более широкой трактовки насильственного имущественного посягательства.⁵ Корысть перестала выполнять исключительно функцию потребительско-материального самосохранения, вследствие чего корыстную цель в имущественных преступлениях стали трактовать как получение имущественной выгоды (намерение обогатиться). В немалой степени такое положение вещей обязано экономической структуре буржуазного общества, потому как процесс производства порождал новые стимулы социальной активности личности.

Вместе с тем русские дореволюционные криминалисты в своем большинстве считали, что хотя корысть и присуща посягательствам на собственность, но их обязательным признаком не является. Например, В. В. Есипов отмечал, что желание при хищении чужого имущества «обнимает намерение взять вещь по мотиву корысти с целью присвоения». При этом он полагал, что цель присвоения означает желание прекратить чужое владение, чужое юридическое господство собственника над вещью и обратиться ее в свое владение, приобрести права собственника. При этом мотив корысти «означает все те побуждения и стимулы, которые имеют своим основанием желание противозаконного обогащения»⁶ (В. В. Есипов не считал похищением взятие чужих съестных припасов для раздачи бедным, подобные случаи являлись самовольным пользованием чужим имуществом⁷).

---

⁴ Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 17.

⁵ Клепицкий И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 74–75.

⁶ Есипов В. В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894. С. 151.

⁷ По-видимому, такое суждение основывалось на утверждении П. А. Фейербаха о том, что состояние крайней нужды исключает наказание за похищение. Такое состояние бывает тогда, когда, как отмечал немецкий ученый, «похищение чужой собственности

Напротив, С. В. Познышев считал, что цель присвоения «заключается не непременно в извлечении для самого себя выгод из чужого имущества, т. е. не всегда корыстная».⁸

По мнению Л. Е. Белогриц-Котляревского, преступное действие с внутренней стороны предполагает корыстное намерение, направленное на присвоение себе чужого движимого имущества безвозмездно. Корыстное намерение присвоить себе вещь безвозмездно следует понимать как «намерение обратить ее в собственность путем безвозмездного захвата». В этом направлении намерения вора на присвоение и состоит корыстный элемент умысла при хищении. Что же касается иных отдаленных мотивов (желание обогатиться, алчность, желание оказать кому-либо, находящемуся в состоянии нужды, помощь и т. д.), то, по утверждению Л. Е. Белогриц-Котляревского, все они безразличны (при определении свойства умысла вора незачем обращаться к побудительным мотивам, цели преступника).⁹ Главное, чтобы вор имел корыстное намерение присвоить себе чужое имущество.

Таким образом, субъективный компонент в хищении сводился к цели присвоения вещи.¹⁰ Такое положение вещей было обязано доктрине немецкого уголовного права, где присвоение рассматривалось как осуществление правомочий, составляющих содержание собственности, по отношению к чужой вещи. Следовательно, похищение с целью присвоения означало установление владения в виде собственности. Германское уголовное право отказалось от требования «корыстного намерения» в понятии воровства (похищения), которое «не являлось преступлением, направленным на обогащение».¹¹ Поэтому если виновный оставил на месте похищенной вещи ее стоимость, то это все равно не исключало понятия воровства.

Подобное положение дел было свойственно и раннему советскому уголовному праву, теоретики которого также утверждали, что похищение должно иметь целью присвоение имущества¹² или приобретение его, т. е. увеличение сферы своего имущественного обладания именно похищаемым имуществом (цель присвоения понималась именно как цель обращения чужого имущества в собственное).¹³ Поэтому если кто-нибудь,

---

было единственным обстоятельством спасения жизни похитителя, или его жены, или его детей» (например: действительный голод, а не простая бедность, предмет должен составлять съестные припасы, похититель должен взять только столько, сколько необходимо для удовлетворения в пище, похититель не имеет больше никаких законных средств к спасению) (см.: *Фейербах П. А.* Уголовное право. Книга вторая. СПб., 1811. С. 153–155).

⁸ *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права. 3-е изд. М., 1912. С. 195.

⁹ *Белогриц-Котляревский Л. Е.* Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. С. 403–404.

¹⁰ *Будзинский С.* О преступлениях в особенности (сравнительное исследование). Варшава, 1887. С. 208; *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 634.

¹¹ *Лист Ф. Ф.* Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905. С. 143. — А. Ф. Бернер полагал, что «корысть, на которую обращается воровское намерение, должна состоять в самой вещи, которой имущественная ценность отнимается у собственника» (*Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права. Части общая и особенная. СПб., 1867. Т. II. С. 59).

¹² См., напр.: *Гернет М. Н.* Имущественные преступления. М., 1925. С. 5; *Исаев М. М.* Имущественные преступления. М., 1938. С. 25.

¹³ *Жижиленко А. А.* Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. С. 64–66.

совершая преступление, руководствовался иной целью, чем цель присвоения имущества, то лицо не могло привлекаться к уголовной ответственности за похищение имущества.¹⁴ При этом мотивы поведения лица, похищающего чужое имущество, были безразличны: действовал ли виновный в своих личных интересах, с целью личного обогащения или в интересах других лиц (например, желая передать похищенное имущество бедным), из мотива мести или злобы и т. д.

В то же время корысть в послевоенное советское время (в условиях плановой экономики) выступала основанием дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности. Наличие или отсутствие признака, характеризующего корыстную мотивацию и целенаправленность преступного деяния в имущественной сфере, являлось базовым основанием деления преступлений против собственности на корыстные и некорыстные.¹⁵ Следует ли в связи с этим говорить о том, что долгое время отечественное уголовное право (в большей части, конечно же, советское) рассматривало и продолжает рассматривать именно корыстную цель в качестве непосредственного признака хищения? Теперь об этом свидетельствует законодательное указание на корыстную цель как на обязательный признак хищения, что вполне естественно, ибо использование законодателем цели в качестве криминообразующего признака хищения является необходимым шагом, так как именно цель подчеркивает направленность умысла лица, совершающего противоправное завладение чужим имуществом.

Вместе с тем понятие «корыстная цель» в советском уголовном праве вошло в законодательные формулировки и доктринальные определения тех или иных преступлений против собственности по причинам политического характера. Советские авторы полагали, что уголовно-правовая оценка мотива алчности, корысти в буржуазной теории права, не называющей корысть (корыстную цель) в качестве конструктивного признака похищения имущества, «служит только средством затушевывания той вполне «законной» алчности, которая является движущей силой всякого эксплуататорского общества». Так, по утверждению Г. А. Кригера, «в буржуазном обществе, где опасность хищений чужого имущества усматривается, прежде всего, в самом факте посягательства на «священное» право собственности, являющееся основой господства имущих классов, мотивам, внутренним побуждениям и целям, которые толкают виновного на завладение чужим имуществом, не придается существенного значения. Более того, поскольку стремление к наживе составляет основу буржуазной морали, центр тяжести при оценке опасности имущественных преступлений переносится на

---

¹⁴ А. А. Жижиленко утверждал, что хищение не будет иметь место, если вещь изымается из чужого обладания с целью лишь самовольно ею распорядиться (с целью уничтожения или повреждения) или чтобы ее скрыть либо выбросить, временно использовать; с целью извлечения выгоды, не обращая вещь в свою собственность; с целью восстановления или обеспечения своих прав; с целью использования вещи в интересах самого потерпевшего (например, похищение у хозяина корма для того, чтобы дать этот корм его же скоту); с целью сберечь вещь для самого собственника и спасти ее от возможной гибели (например, отобрание вещи из рук ребенка или умалишенного, если она представляет особую ценность); с целью принудить потерпевшего совершить известные действия в интересах виновного (дать удовлетворение за нанесенную обиду); с целью подшутить над собственником вещи или доставить ему неприятность (см.: Там же. С. 65).

¹⁵ *Шевченко И. Г.* Корыстные и некорыстные преступления против собственности: сравнительный анализ общественной опасности // Законодательство. 2007. № 6. С. 62.

факт распоряжения виновным чужим имуществом как своим собственным. Поэтому буржуазные теоретики проявляют в данном вопросе удивительное единодушие, отрицая обязательность корыстной цели при хищении».¹⁶

Итак, в науке уголовного права распространенным является мнение, что хищениям присуща корысть как цель либо мотив побуждения.¹⁷ Однако вопрос о том, что является источником этой корысти, решается неодинаково. Уголовное законодательство рассматривает корыстную мотивацию в качестве обстоятельства, повышающего уровень опасности посягательств на собственность, и, соответственно, усиливает ответственность за совершение этих (корыстных) деяний. Современная же доктрина уголовного права по-разному подходит к вопросу о конструировании специальной цели при хищении имущества: 1) корыстная цель; 2) цель обращения имущества в свою собственность (намерение присвоить вещь); 3) цель извлечения имущественной выгоды; 4) цель распоряжения имуществом как своим собственным и т. д.

Тем не менее сегодня само понимание сути корыстной цели¹⁸ и ее содержания продолжают оставаться многовариантным. Так, утверждается, что **корыстная цель** при хищении — это:

— стремление к безвозмездному и заведомо противоправному присвоению чужого имущества для удовлетворения своих потребностей в нем;¹⁹

— стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица²⁰ (т. е. получение фактической возможности владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом как своим собственным);²¹

— незаконное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного; в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; в пользу юридических лиц, с функционированием которых напрямую связано его материальное

---

¹⁶ Кригер Г. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистического имущества в СССР. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 1965. С. 11.

¹⁷ Еще в 70-е годы прошлого века Н. П. Шарыло утверждал, что мотив и цель при хищении находятся в тесном единстве и обуславливают друг друга (см.: Шарыло Н. П. Умысел, мотив и цель при совершении хищений социалистического имущества. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1975. С. 11).

¹⁸ Как полагает А. К. Гейн, выбор цели в качестве криминообразующего признака обусловлен ее следующими характеристиками: 1) она относится к числу признаков, характеризующих субъективную сторону преступления; 2) включение ее в состав преступления означает, что данное деяние может быть совершено только с прямым умыслом; 3) включается в состав преступления как его обязательный признак, непосредственно влияющий на квалификацию преступления; 4) деяние признается общественно опасным в силу общественной опасности как цели преступления, так и средств ее достижения; 5) находится в органической связи с общественно опасными последствиями, которые предвосхищаются целью, а потому последствия не должны включаться в состав преступления в качестве самостоятельного криминообразующего признака в тех случаях, когда в составе преступления содержится указание на цель его совершения (Гейн А. К. Цель как криминообразующий признак. Автореф. дис. ... к. ю. н. Тюмень, 2010. С. 13).

¹⁹ Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 133–134; Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 114.

²⁰ Тихенко С. И. Борьба с хищениями социалистической собственности. связанные с подлогом документов. Киев, 1959. С. 171.

²¹ Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М., 1971. С. 98; Шкунов В. С. Кража и ответственность. Минск, 1971. С. 40–41.

благополучие; в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения или состоящих с виновным в имущественных отношениях;²²

— извлечение имущественной (материальной) выгоды для себя или других лиц.²³

Итак, следует признать (хотя бы на уровне законодателя), что сегодня аксиоматичным является утверждение, в соответствии с которым корыстная цель является обязательным признаком любой формы хищения. Указанная цель определяет степень и характер общественной опасности деяния, указывает на более высокую степень тяжести деяния, позволяет ограничивать хищение от схожих составов преступлений, в том числе от правонарушений и проступков. Корыстная цель многолика, она переплетается с корыстным мотивом, и судебно-следственная практика выработала свои правила отнесения тех или иных побуждений к числу обязательных для констатации наличия преступной цели — корыстного хищения.

В принятом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»,²⁴ в п. 28 сказано, что *корыстная цель* «есть стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц». Таким образом, можно констатировать, что Верховный Суд Российской Федерации воспринял точку зрения ученых,²⁵ согласно которой корысть — это не нажива и не стремление к получению прибыли. Корысть как цель состоит в обращении имущества в свою собственность либо получении возможности распоряжения этим имуществом как своим собственным; хотя в юридической литературе²⁶ существуют и противоположные суждения, суть которых сводится к тому, что корыстная цель выражается в стремлении виновного к получению личной материальной выгоды, поэтому она не может удовлетворяться обогащением других лиц. Итак, тенденция расширения понятия хищения за счет отказа от понятия корыстного мотива как обязательного признака субъективной стороны хищения налицо.

Если исходить из вышеприведенной трактовки понимания корыстной цели, то к уголовной ответственности нельзя будет привлечь лиц, противоправно завладевших тайным или открытым способом (даже насильственным) имуществом для передачи этого имущества другим лицам или организациям и не преследовавших целей личного обогащения (например,

---

²² *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 294; *Волженкин Б. В.* Служебные преступления. М., 2000. С. 153; *Тишкевич И. С.* Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность. Минск, 1984. С. 62; *Лопашенко Н. А.* Преступления против собственности: теоретико-правовое исследование. М., 2005. С. 231; *Анисимов В. Ф.* Ответственность за преступления против собственности с признаками хищения: состояние, сущность и проблемы квалификации. Дис. ... д. ю. н. СПб., 2007. С. 130–135.

²³ *Устинов В. С.* Признаки хищений и их оценка аппаратами БХСС. Горький, 1979. С. 53; *Ераксин В. В.* Ответственность за грабж. М., 1972. С. 32.

²⁴ Российская газета. 2008. 12 янв.

²⁵ *Мониторинг законодательства в сфере преступлений против собственности* // Материалы Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам от 25 марта 2004 г. М., 2004. С. 13, 38; *Борзенков Г. Н.* Личная собственность под охраной закона. М., 1985. С. 26.

²⁶ См., напр.: *Тропин С.* Субъективные признаки хищения // Советская юстиция. 1990. № 17. С. 5; *Папог А. И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2006. С. 151–153.

лицо путем разбойного нападения похищает имущество для передачи его в какой-либо благотворительный фонд).²⁷ Безусловно, стремление к обогащению других лиц или организаций путем причинения ущерба чужой собственности может выступать средством реализации индивидуальных, частных целей виновного. Такие действия избавляют его от личных материальных затрат, в связи с чем в таких случаях принято говорить об имевших место корыстных побуждениях со стороны виновного. Однако, как мы показали ранее, в практике могут иметь место и иные ситуации, когда виновный не преследует цели личного обогащения и не имеет интереса в обогащении иных лиц. Вот здесь и возникает вопрос: как далеко можно заходить в вопросе толкования цели обогащения иных лиц (даже если виновный сам не обогащается и не имеет в данном случае никакого своего интереса, эти обогащаемые лица все же извлекают для себя выгоду, а собственнику причиняется ущерб)?

Представляется все же, что, если расширить элементы субъективной стороны хищения, понимание корысти будет непременно влечь за собой элемент объективного вменения, потому что корыстную цель сегодня предлагается видеть во всяком неправомерном распоряжении имуществом, и в частности путем передачи его посторонним лицам. Здесь явно корыстная цель отождествляется не только с мотивом преступления, но и с преступным действием виновного. Для многих работников правоохранительных органов анализируемые ситуации также неоднозначны ввиду того, что имущество виновными лицами предварительно не изымается, а передается безвозмездно иным лицам. Фактически, рассматривая указанные примеры как хищение, невольно приходится утверждать о том, что сама по себе незаконная передача имущества и как следствие этого обогащение других лиц влекут наличие корыстной цели.

Вместе с тем в случаях, когда противоправная деятельность виновного складывается из альтруистических или эгоистических поступков, конечная квалификация такого деяния во многом зависит от установления причинной связи между совершенным правонарушением и личной выгодой виновного лица. Если эта имущественная выгода непосредственно вытекает из совершенного правонарушения, то корыстная заинтересованность такого лица не должна вызывать сомнений (несмотря на то что мотивация может включать коллективный интерес).

Вместе с тем, хотя мотив и цель понятия близкие, они, как видно, не совсем совпадают по содержанию и их отождествлять не следует.²⁸ Очевидно, что в ряде случаев цели и мотивы хищений имущества могут не совпадать. Если мотив отвечает на вопрос, что движет человеком, то цель показывает направление его поведения; мотив является основой действия, а цель — это то, к чему стремится лицо, это показатель направления

---

²⁷ Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 111. — Нам все же представляется, что подобные деяния можно было бы квалифицировать как неправомерное завладение чужим имуществом без цели его хищения, при наличии соответствующего состава преступления. Такая квалификация более полно отражала бы суть этих преступлений, как и хищение имущества в пользу посторонних лиц.

²⁸ Вместе с тем Р. Кабулов настаивает на том, что корыстный мотив и корыстная цель, имеющие самостоятельное значение в каждом конкретном случае, являются обязательными признаками субъективной стороны составов всех форм хищений (за исключением мошенничества) (см.: Кабулов Р. Уголовно-правовые меры борьбы с хищениями: теория и практика. Автореф. дис. ... д. ю. н. Ташкент, 1997. С. 24).

действия. Мотив является следствием определенных эмоций, это чувство, превратившееся в стремление, в стимул к определенному поведению; целью совершения преступления является тот результат, к которому стремится лицо, совершающее преступление.²⁹ В то же время мотивация всегда тесно связана с интересами и потребностями личности, т. е. если мотивы позволяют понять, почему личность в определенной ситуации совершает преступление, то интересы и потребности раскрывают источники соответствующего побуждения, основу избирательности и направленности преступного поведения. Интересы и потребности не просто существуют наряду с мотивами, а пронизывают всю систему причин преступления.³⁰ В связи с этим возникает иного рода вопрос: обязателен ли корыстный мотив для хищения?

Безусловно, побудительной причиной, поводом к совершению хищения является *мотив*. Мотив — это устойчивое психическое образование, которое, будучи актуализированным, побуждает человека конкретизировать общую цель и выбрать тот или иной тип поведения в рамках удовлетворения одной и той же потребности.³¹ Мотив — первичная, универсальная психолого-правовая категория по отношению к цели, побуждениям, заинтересованности и иным побудительным началам, которые представляют собой направление деятельности человека и без мотива возникнуть не могут.³² Корыстные мотивы выступают в качестве внутренних побуждений к хищению, движущих факторов этого преступления. Мотив помогает ответить на вопрос, почему личность ведет себя антиобщественно и совершает корыстные преступления. В то же время преступные мотивы могут быть различны: хулиганские побуждения; личные неприязненные отношения (зависть, ненависть, ревность, месть, честолюбие); сексуальные побуждения; стремление избежать ответственности; ложно понятые соображения товарищества; расовая нетерпимость или жажда экстремальных ощущений; альтруистические мотивы и др., т. е. корысть может не являться единственным мотивом совершения хищений.

Таким образом, хотя уголовный закон указывает только на признаки цели в определении хищения, практика все же показывает взаимосвязь корыстной цели и мотивации преступлений и считает корыстный мотив достаточным основанием для признания виновности при совершении

---

²⁹ *Сирота С. И.* Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, 1968. С. 50; *Кудрявцев В. Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 73–79.

³⁰ *Кириллов С. И.* Основы теории криминологического исследования корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 1999. С. 28–30; *Зелинский А. Ф.* Криминальная психология. Киев, 1999. С. 8–115; *Литвинов В. И.* Корыстные посягательства на личную собственность и их предупреждение. Минск, 1989. С. 17–25; *Семенов В. М.* Особенности субъективной стороны хищения // *Российский следователь*. 2005. № 5.

³¹ *Скляров С. В.* Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 90; *Ляпунов Ю. И.* Корыстные правонарушения нетерпимы. М., 1989. С. 51.

³² По мнению А. П. Музюкина, мотив преступления обладает следующими основными свойствами (признаками): 1) мотив носит волевой и осознанный характер; 2) в основе мотива чаще всего лежит система потребностей человека (как искаженных, так и нормальных), среди которых наблюдается явное преобладание естественных и материальных над духовными; 3) мотив носит субъективно-объективный характер, так как пребывает в постоянном развитии, изменении и преобразовании под влиянием и внутренних, и внешних факторов (*Музюкин А. П.* Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. Автореф. дис. ... к. ю. н. Рязань, 2010. С. 12).

хищений, при этом допуская возможность совершения хищений по иным, некорыстным мотивам. Более того, квалификация во многих случаях действий лиц как хищений основана на чрезмерно широком понимании корыстного мотива при хищении как стремления распорядиться похищенным имуществом как своим собственным.

Вместе с тем мотив должен отличать хищение от других преступлений или проступков, когда лицо хотя и получает безвозмездно имущество, но его умысел направлен отнюдь не на преступное обогащение, а на достижение иных целей. Безусловно, корыстный мотив типичен для хищений, однако практике известны также случаи, когда в отсутствие корыстной цели уголовные дела по факту хищения чужого имущества прекращались. Так, в противоположность вышеуказанным примерам можно привести и другие, где хищением не были признаны деяния лиц, ввиду того что у них отсутствовал корыстный мотив.

Таким образом, если корыстный мотив — это побуждение к действию, то целью данных действий является удовлетворение такого побуждения путем присвоения чужого имущества для распоряжения им как своим собственным. Будет не совсем правильно квалифицировать действия виновного как хищение в случае завладения им имуществом не по корыстным мотивам, а из иной личной заинтересованности либо ложно понятых служебных интересов, а также для временного пользования с последующим возвратом вещи. В данном случае следует учитывать, что мотив выступает первичной категорией по отношению к цели и иным побудительным началам, которые представляют собой направление деятельности человека и без мотива возникнуть не могут. Мотив, наполняя содержанием цель преступного поведения, определяет форму его вины, которая без мотива теряет свою предметность. Имеющиеся же в судебной практике и в теории уголовного права случаи отождествления мотива преступления с его целью вытекают из небрежного отношения законодателя к этим понятиям.³³

Дело в том, что смешение цели, которую хотел достигнуть виновный, и намерения, т. е. выбранного им пути, направления деятельности при характеристике внутренней стороны хищения, может привести к совершенно неправильным выводам. Поэтому в литературе все настойчивее звучат голоса тех, кто утверждает, что законодатель неправильно определил цель хищения не только в содержательном аспекте, но и с методологических позиций понимания цели и ее выражения в уголовном праве в качестве соответствующего криминообразующего признака.³⁴ Трудно не заметить, что в настоящее время корысть в большей степени отождествляется с мотивом совершения преступления, поэтому ее совмещение с целью представляет собой смешение понятий.³⁵ Цель преступления, в том числе и хищения,

³³ Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. Автореф. дис. ... к. ю. н. Рязань, 2010. С. 13.

³⁴ Гейн А. К. Корыстная цель как криминообразующий признак преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2010. № 1. С. 48; Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 1999. С. 10.

³⁵ Как справедливо подчеркивает Н. А. Карпова, «в конкретном человеческом поведении мотив, очевидно, не может быть одновременно целью. Поэтому, как, например, “хулиганские побуждения” нельзя трансформировать в “хулиганскую цель”, так и “корыстный мотив” не может превратиться в “корыстную цель» (Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М., 2011. С. 93).

представляет собой результат, к достижению которого стремится виновный при совершении хищения. В словосочетании «корыстная цель» отсутствует указание на то, какой предполагаемый результат должен наступить после деяния. Такая цель является бессодержательной, а потому, как полагают отдельные правоведы, ее нет смысла вводить в состав преступления.³⁶ Цель как криминообразующий признак должна быть конкретна, поскольку служит отражением будущего результата преступления, а корысть может рассматриваться лишь как свойство такого результата.

Используемый сегодня законодателем термин «корысть» способен показать лишь отношение лица к тем или иным поступкам, однако установить цель действий (бездействия) с его помощью не представляется возможным. Мотив и цель не могут быть одновременно корыстными. Корысть характеризует сферу внутренних побуждений человека, их генезис, на основании чего впоследствии формулируется цель. Цель вторична по отношению к потребностям и побуждениям и не может с ними смешиваться. Она возникает после того, как у лица сформировались определенные потребности, вследствие чего цель всегда сохраняет свою относительную самостоятельность и может быть связана с различными мотивами.³⁷

Таким образом, в настоящее время правоприменитель вынужден корыстную цель отождествлять с мотивом совершения преступления (хищения), который характеризует лишь внутренние побуждения лица, а не преступный результат, что выглядит не вполне приемлемым и порождает различные инсинуации на предмет толкования корыстной цели в доктрине уголовного права.

Корысть в последнее время стали трактовать и как *извлечение имущественной выгоды*.³⁸ Ярким тому примером может служить позиция ряда белорусских и российских исследователей. Так, В. Веремеенко на законодательном уровне, в самом УК предлагает закрепить понятие корыстной цели в хищении, которая определялась бы как «стремление виновного завладеть чужим имуществом или приобрести право на него, либо совершить какие-либо действия имущественного характера, чтобы обратить похищенное в свою пользу либо распорядиться им по своему усмотрению».³⁹ Аналогичное суждение было высказано Н. С. Третьяковой, которая определяет корыстную цель «как стремление незаконно получить чужое имущество или

---

³⁶ См., напр.: Шульга А. В. Уголовная ответственность за хищение на современном этапе // Российский следователь. 2007. № 12. С. 28; Токарчук Р. Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности. М., 2012. С. 233–234. — Г. В. Верина по этому поводу настойчиво предлагает в законодательном определении хищения закрепить корыстный мотив как обязательный субъективный признак хищения (Верина Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности (проблемы теории и практики). Автореф. дис. ... д. ю. н. Саратов, 2003. С. 33).

³⁷ Гейн А. К. Цель как криминообразующий признак. Автореф. дис. ... к. ю. н. Тюмень, 2010. С. 15–16.

³⁸ Семенов В. М. Социальные, уголовно-правовые и криминологические основы борьбы с кражами в России. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2006. С. 33–35; Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004. С. 53; Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи, 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 536.

³⁹ Веремеенко В. Некоторые проблемные вопросы субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210 УК Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2011. № 2. С. 62.

выгоду имущественного характера путем причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества».⁴⁰

Такое крайне широкое понимание корыстной цели стало возможным благодаря внедрению в экономический организм страны новых рыночных отношений, где мотив корысти стал выполнять функцию наживы. Рост мотиваций личной выгоды в легальном секторе рыночной экономики и признание личного интереса основным мотивом и регулятором экономического поведения обуславливают снижение уровня опасности корыстного поведения в сфере теневой экономики. В этой ситуации цель уголовного законодательства состоит в обеспечении равной ответственности за корыстные и некорыстные ненасильственные имущественные преступления.⁴¹ Соответственно и корысть здесь рассматривается как стремление виновного противоправным путем получить возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлекать иные выгоды имущественного характера для себя или других лиц.

Как полагает А. Г. Безверхов, корыстный характер посягательства не исключается как в случае обращения чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц навсегда, так и в случае временного пользования чужим имуществом виновным или третьими лицами. Корыстным является и поведение, направленное на неправомерное уклонение от материальных затрат и противоправное сбережение своего имущества. Такой подход имеет под собой криминологическое основание, поддерживается современной судебной практикой Российской Федерации и следует из уголовного законодательства, которое не содержит указания, что преступления, предусмотренные в главе 21 УК РФ, совершаются в целях личной наживы.⁴²

Итак, корыстную преступность (корысть) стали рассматривать как совокупность посягающих на сферу экономики уголовно наказуемых деяний лиц, обусловленных осознанным стремлением последних к получению безвозмездной противоправной имущественной выгоды.⁴³ Однако исходя из приведенных примеров видно, что зачастую извлечение имущественной выгоды может быть вовсе и не связано с завладением (изъятием) имущества в личную собственность виновного. Лицо может избавиться от затрат, сохранить свое имущество и т. д. Можно ли в такой ситуации вести речь о корыстной цели, и по каким признакам тогда хищение будет отличаться от злоупотребления властью или служебными полномочиями, совершенными с корыстной заинтересованностью, от группы преступлений против порядка осуществления экономической деятельности и т. д.?

В уголовно-правовой литературе отмечается, что злоупотребление из корыстной заинтересованности как служебное преступление отличается от хищений (путем злоупотребления служебными полномочиями) характером причиненного ущерба: для злоупотребления характерен имущественный ущерб в виде упущенной выгоды, а для хищения — наличное уменьшение имущества вследствие его безвозмездного изъятия.⁴⁴

⁴⁰ Третьякова Н. С. Лингвистические особенности уголовно-правовых норм об ответственности за хищения. Автореф. дис. ... к. ю. н. Омск, 2008. С. 5–6.

⁴¹ Безверхов А. Г. Имущественные преступления: вопросы криминализации и систематизации // Юридический аналитический журнал. 2002. № 2. С. 90.

⁴² Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Автореф. дис. ... д. ю. н. С. 29.

⁴³ Пантюшин И. С. Цель кражи // Общество и право. 2009. № 1. С. 78.

⁴⁴ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск, 2007. С. 901.

Если использовать вышеприведенный критерий отграничения хищения от служебного злоупотребления, то в последнем примере организации причинен реальный имущественный ущерб, следовательно, в данной ситуации имеет место хищение. К такому выводу можно прийти потому, что сегодня практически уравнили корыстную цель с корыстными побуждениями. Например, ч. 10 ст. 4 УК Республики Беларусь указывает, что «под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо *намерением избавить себя или близких от материальных затрат* (курсив мой. — В. Х.)». И в этой плоскости, действительно, можно усмотреть в приведенных выше примерах элемент избавления виновного от материальных затрат по угощению проверяющих, ремонту машин и т. д., но вместе с тем корыстная цель не должна заменять собой мотив. Избавление от материальных затрат может свидетельствовать лишь о специфическом способе совершения преступления, которому не присущи такие признаки хищения, как «завладение», «изъятие», «обращение». Как видно, лица в указанных примерах не завладевают имуществом, а извлекают материальную выгоду.⁴⁵ Если рассуждать иначе, то вполне можно прийти к выводу о том, что хищением следует признавать любое незаконное распоряжение должностным лицом имуществом в пользу других лиц, хотя виновный и не имел умысла на его завладение (изъятие).

К сожалению, сегодня приходится лишь в очередной раз констатировать, что в теории уголовного права и судебной практике тенденция расширения понятия «корыстная цель» так до конца и не преодолена. Корысть при совершении хищения стали соотносить с выгодой, извлекаемой исключительно из предмета посягательства.⁴⁶ Согласно данной концепции корыстная цель предполагает не только желание виновного извлечь выгоду лично для себя, но и стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица (не обязательно соучастника или близкого виновному), когда эта цель реализуется как получение фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным.⁴⁷ Тем не менее при получении выгоды третьими лицами, круг которых вообще не определен (общество в целом, благотворительные организации и фонды), а хищение совершается для общепользовательных целей, крайне трудно усмотреть корысть и рассматривать такие случаи аналогично хищению.

Все более нарастающая тенденция понимания корыстной цели как извлечения имущественной выгоды ведет к расширению границ хищения и смешению данного понятия с иными корыстными преступлениями (служебными, экономическими, другими корыстными посягательствами на собственность, например, извлечением имущественной выгоды без признаков хищения и т. д.). Фактически корыстную цель приравнивали к корыстным побуждениям, и извлечение имущественной выгоды стало

---

⁴⁵ Вместе с тем имущественную выгоду в ряде случаев при хищении может извлечь не само лицо, совершающее преступление, и даже не лицо, в обогащении которого заинтересован преступник.

⁴⁶ *Гладилин В. В.* Временное позаимствование в уголовном праве: вопросы ответственности. М., 2006. С. 121; *Трофимов И. В.* Корыстная цель в составе причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) // Российский следователь. 2009. № 16.

⁴⁷ *Яни П. С.* Понятие хищения — конституционно // Закон. 2011. № 1. С. 50.

тождественно «временному позаимствованию». Получается, что мы вышли на новую ступень понимания хищения, так как если рассматривать корыстную цель как извлечение имущественной выгоды, то тогда и хищение — это получение имущественной выгоды.

В данном вопросе корыстная цель есть некая «лакмусовая бумажка» состоятельности самого понятия хищения, разработанного в 50–60-е гг. XX в. При такой постановке вопроса видно, что сегодняшнее понимание хищения искусственно, так как, рассматривая разные формы хищения, можно увидеть ряд несопадений по общим признакам хищения, в том числе и по корыстной цели.

Например, одно лицо (А.) в пьяном состоянии играло в карты и якобы проиграло другому (Б.) крупную денежную сумму, чего на самом деле не было. Используя ложные доказательства и подтасованные факты, Б. заставляет уплатить А. проигранную ему сумму, однако просит А. передать деньги другому лицу (В.), поскольку Б. ранее сам проиграл деньги и является должником В. Получается, что в данной ситуации Б. не завладел, не изъял и не обратил в свою собственность имущество А., но Б. обогатился, сэкономив за счет А. свое имущество. С одной стороны, если трактовать корыстную цель как извлечение имущественной выгоды (а Б. ее получил), то налицо мошенничество, но, с другой стороны, если сказать, что здесь отсутствует признак завладения (изъятия) имуществом, то необходимо говорить о причинении имущественного ущерба без признаков хищения.

Наряду с этим если корысть понимать как выгоду или материальный, имущественный интерес, то ее соответственно нельзя отождествлять со специальной целью хищения. Термин «корысть» не раскрывает содержания цели хищения, а только характеризует один из признаков этой цели, точно так же, как и характеризует мотивы, побуждающие лицо совершить хищение имущества.⁴⁸ Корысть присуща не только хищениям, вследствие чего употребляемый сегодня термин «корыстная цель» не может служить четким основанием отграничения хищений от иных преступлений. Более того, по мнению В. И. Плоховой, признаки цели в хищениях опосредованно закреплены в действиях и последствиях, поэтому на корыстную цель нет смысла вообще указывать в Уголовном кодексе, тем более в таком неоднозначно определяемом термине, как «корысть».⁴⁹ В данных суждениях отчетливо проясляется мысль, согласно которой не только наличие корыстной цели не является обязательным признаком хищения, но и ее отсутствие не может являться обстоятельством, исключающим хищение. Указание на корыстную цель в дефиниции хищения не имеет принципиальной практической значимости и препятствует в полной мере защите права собственности в случае «некорыстных» хищений. Как видно, сегодня пытаются уравнивать корыстную цель с корыстными намерениями (мотивами) либо же вообще отказаться от указания на субъективный результат хищения, с чем никак нельзя согласиться. Стремление раскрыть мотивы хищения в отрыве от его объективных признаков и привели ученых, как представляется, к ложным утверждениям относительно необязательности специальной цели в хищении.

⁴⁸ На это обстоятельство еще в 60-е гг. XX в. справедливо обращал внимание С. И. Сирота (*Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними*. Воронеж, 1968. С. 52).

⁴⁹ *Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность*. СПб., 2003. С. 268.

Наряду с этим предлагается еще максимально расширить субъективную сторону хищения и включать сюда не только корыстную цель (как цель извлечения выгоды), но и *иную личную заинтересованность*. Так, А. В. Шульга полагает, что судебная-прокурорская практика, особенно в современных условиях экономического неблагополучия населения, наглядно демонстрирует тот факт, что хищения могут совершаться без стремления обогатиться. Например, мать заболевшего ребенка похищает деньги, чтобы купить дорогостоящее лекарство; либо человек, не получающий по несколько месяцев заработную плату, совершает хищение, чтобы прокормить семью; бомж совершает кражу, чтобы на зимнее время попасть в теплый следственный изолятор, где дают бесплатную пищу, и т. д.⁵⁰ Все эти примеры указывают на то, что корыстная направленность хищения в традиционном понимании в данном случае исключается. Поэтому, по мнению сторонников данной идеи, в случае противоправного, безвозмездного изъятия чужого имущества (независимо от цели, которую преследует виновный) характеристика деяния лица как хищения не теряет своего смысла. Следовательно, хищение помимо корыстной цели должно включать еще и иную, личную, заинтересованность.⁵¹

Вместе с тем подобные рассуждения, на наш взгляд, заходят крайне далеко. Игнорирование специфической цели (впрочем, как и мотива) при хищении чужого имущества ведет к тому, что сегодня искусственно, без достаточных оснований создается концепция некорыстных хищений, чрезмерно широко понимается «хищение в пользу третьих лиц» и, как следствие, нивелируется само понимание хищения. А здесь мотив имеет существенное значение. История уже знала подобные примеры, когда хищением признавались любые случаи умышленной незаконной передачи имущества другим лицам, вызванные соображениями производственной необходимости, ложно понятыми «узковедомственными интересами» и т. д.⁵² В подобном случае для существа хищения путем растраты или

---

⁵⁰ Шульга А. В. Охрана имущества и имущественных прав в системе норм о преступлениях против собственности и интеллектуальной собственности. М., 2012. С. 239. — Такая позиция основывается на Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»», в котором отмечалось, что хищение путем злоупотребления служебным положением может быть совершено по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности.

⁵¹ Как полагает в этой части А. В. Шульга, для лица, ставшего жертвой имущественного посягательства, «не имеет существенного значения, с корыстными или иными побуждениями были нарушены его имущественные права» (Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. М., 2007. С. 347–362). Однако наличие корыстного или некорыстного мотива имеет значение для привлечения лица к ответственности и избрания ему меры наказания, так как мотивы человеческого поступка тоже должны учитываться.

⁵² См. по этому вопросу: Волженкин Б. В. Корыстные злоупотребления по службе (хищения, взяточничество, злоупотребление служебным положением): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 1991. С. 27–28. — Обосновывая тезис, что цель при хищении может быть только корыстной, Н. П. Шарыло указывал, что расхититель, совершая хищение, преследует одну цель — обогатить себя или других лиц: «Такой целью является переживаемый образ будущего преступного результата в виде обогащения противоправным путем, который предвидит расхититель из связи своих действий с ситуацией данного момента» (Шарыло Н. П. Умысел, мотив и цель при совершении хищений социалистического имущества. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1975. С. 10).

злоупотребления служебным положением было безразлично, чем руководствовался расхититель и какие у него были мотивы (никого отнюдь не интересовало, что мотив не всегда мог в таких случаях выражаться в стремлении извлечь выгоду имущественного характера). Такое положение вещей нельзя принять, поскольку оно крайне уязвимо и способно размыть существующие грани корыстной и некорыстной преступности. Можно было бы признать, с определенными оговорками, что для корыстной цели характерно извлечение имущественной выгоды за счет завладения (изъятия) чужим имуществом, но не за счет неосновательного сбережения своего.

Исходя из сказанного, можно сделать несколько промежуточных выводов и наметить варианты разрешения рассматриваемой проблемы.

1. Существующая концепция корыстной цели для ее отождествления должна принципиальным образом исходить из следующего: а) корыстный мотив предопределяет наличие корыстной цели; б) некорыстные мотивы совершения преступлений должны исключать квалификацию деяний как хищение; в) требование наличия корыстной цели не распространяется на соучастников хищения, которые могут действовать в силу иных побуждений (однако им должен быть известен характер совершаемого исполнителем деяния); г) лицо завладевает (изымает, обращает) имуществом с целью его присвоения или обращения в пользу лиц, в судьбе которых оно заинтересовано (а не любых лиц).

2. Следовало бы предположить, что краже, грабежу, разбою присуща цель присвоения имущества, в то время как мошенничеству, присвоению или растрате, вымогательству, хищению путем злоупотребления служебными полномочиями больше свойственна цель получения имущественной выгоды. Однако в действительности это не совсем так, поскольку лицо может обогатиться, сэкономив свое имущество, и при разбое или грабеже. Например, лицо под угрозой применения насилия предъявляет требование немедленной передачи вещи другому лицу, в судьбе которого виновное лицо заинтересовано.

3. Понимание корыстной цели как извлечения имущественной выгоды ставит на повестку дня вопрос об искусственности понятия хищения и его форм. Здесь можно усмотреть два варианта разрешения проблемы: а) модернизация понятия хищения и понимание его крайне широко, что ведет впоследствии к его нивелированию, поскольку оно будет преследовать цель извлечения имущественной выгоды, в результате чего необходимо будет предусматривать критерий отграничения хищения от иных имущественных и экономических преступлений. В такой понимании хищения необходимо будет увязать способ совершения преступления с получением имущественной выгоды; б) консервация понятия хищения на уровне изъятия (завладения) имущества, где корыстная цель рассматривается в узком значении, т. е. здесь хищение совершается с целью присвоения имущества или же с целью обращения имущества в свою собственность. При такой трактовке хищения одновременно необходимо выделять составы преступлений, которые предусматривали бы уголовную ответственность за посягательства на имущественные права и извлечения имущественной выгоды виновными лицами от незаконной деятельности.

4. Корыстная цель сегодня не может являться системообразующим признаком в понятии хищения, поскольку она не указывает на тот результат, к которому стремится виновный, совершая акт хищения. Вполне естественно, что цель должна быть указана в определении хищения, однако законодателю следует попытаться более четко обозначить цель при хищении и отыскать разумное значение данной правовой категории.

Безусловно, варианты могут быть различны, и в узком понимании цель хищения (цель присвоения имущества) — это стать собственником вещи, вернее, поставить себя на место единовластного, постоянного владельца имущества. Лицо стремится владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным, по своему усмотрению. При такой формулировке цели за пределами состава остается сам факт распоряжения изъятым имуществом. Преступник может оставить похищенное имущество в своем обладании, израсходовать, подарить, уничтожить и т. д. (эти обстоятельства на квалификацию хищения не влияют).⁵³ Основываясь на данных суждениях и исходя из того, что моментом окончания хищения следует считать цель завладения имуществом, П. В. Коробов предлагает целью любого хищения признать цель «завладения чужим имуществом из корысти».⁵⁴ При такой постановке вопроса цель хищения состоит в завладении чужим имуществом и распоряжении им как своим собственным.

В принципе, такая обрисовка цели в составе хищения (обращение имущества в собственность) может служить одним из четких критериев разграничения хищений и иных корыстных преступлений, однако и данная концепция имеет свои нюансы, о которых следует поговорить особо. В большей степени связано это с тем, что, совершая хищение по корыстным мотивам, лицо всегда преследует цель получения имущественной выгоды. Однако характер корыстного мотива и способ его реализации могут указывать на то, совершается ли хищение или иное корыстное преступление.

Как видно, современные концепции исходят из того, что целью корысти является нажива,⁵⁵ однако корысть — это многоаспектное социальное явление,⁵⁶ содержащее разнообразные устремления лица, и, действительно, главным в понимании корыстной цели при хищении должно служить то обстоятельство, что собственнику или иному законному владельцу причиняется реальный имущественный ущерб. Ведь по большому счету владельцу имущества все равно, кто завладеет его имуществом, — вор или иное лицо, обогатится ли преступник сам или кто-то другой. При ином понимании цели хищения, как мы видим, происходит размывание его границ, и невозможность отграничения хищения от иных составов преступлений очевидна. Практически сегодня применяется система «двойных стандартов» хищения, т. е. когда отсутствует корыстный мотив, но есть цель, — это все равно хищение; равно как и наоборот: цель имеется, но корыстный

⁵³ *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. С. 52–53; *Тишкевич И. С.* Личная ответственность граждан под охраной закона: уголовно-правовые аспекты. Минск, 1983. С. 30.

⁵⁴ *Коробов П. В.* Некоторые вопросы совершенствования норм об ответственности за преступления против собственности и за должностные преступления // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия / сб. науч. тр. Саратов, 2005. С. 430–434.

⁵⁵ Например, по утверждению С. В. Богданчикова, «главным в квалификации действий виновного как хищения является не только мотив, который может быть не только корыстным, но и цель, преследуемая виновным в виде незаконного обогащения, получение собственной материальной выгоды за счет чужого имущества» (*Богданчиков С. В.* Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности (хищения). М., 2008. С. 79).

⁵⁶ *Полов И. А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты краж в условиях экономической и правовой реформы. Автореф. дис. ... к. ю. н. Калининград, 2000. С. 13–14; *Богданчиков С. В.* Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2006. С. 15.

мотив отсутствует. Сегодня корыстная цель не может быть тем «знаменем» хищения, которое бы охватывало все без исключения имущественные преступления и ограничивало бы их от иных. Поэтому верное в своей основе утверждение о корыстном характере цели при хищении, но взятое само по себе не может раскрыть всех особенностей данного вида преступления. Следовательно, для хищения требуется свое, особое содержание цели преступления, поскольку само понятие «корысть» весьма широкое и поддается различному толкованию.

На наш взгляд, при анализе цели хищения нельзя не обращать внимание на то, что при совершении хищения виновный стремится обогатиться сам либо незаконно обогатить других лиц, в судьбе которых он заинтересован. Мы не можем согласиться с тем, что корыстную цель необходимо определять как стремление извлечь незаконную имущественную выгоду либо как избавление от имущественных затрат.⁵⁷ Именно при хищении виновное лицо стремится извлечь имущественную выгоду для себя или иных близких лиц за счет изъятия (завладения) чужого имущества, а не за счет его незаконного удержания у себя (это и есть избавление от имущественных затрат). Безусловно, для констатации состава преступления, с позиции собственника или иного владельца имущества, которым причиняется ущерб, не важно, кто же извлечет имущественную выгоду или завладеет имуществом (сам виновный или другие лица). Однако для полной квалификации преступления характер действий виновного и мотив его поведения должны иметь определяющее значение. Поэтому с точки зрения субъективных признаков состава хищения его цель должна указывать на то, что подобное деяние направлено на обогащение⁵⁸ виновного или иных лиц.

Таким образом, субъективная сторона совершения хищения требует сегодня иных подходов к ее конструированию, исходя из чего:

1) цель при хищении не должна называться корыстной, определяющим должен являться мотив преступления, однако с практической точки зрения в определении хищения следует указать на результат, к которому стремится лицо;

2) в сложившихся социально-экономических условиях законодателю следует увязать способ хищения с его целью — извлечение имущественной выгоды, повлекшее утрату имущества, однако такое широкое толкование цели хищения не будет способствовать классическому пониманию сути хищения как деликта абсолютного характера, в связи с чем предлагаем указать, что лицо, завладевая чужим имуществом, стремится обогатиться (само или обогатить заинтересованных им лиц);

3) сегодня цели извлечения имущественной выгоды не может соответствовать такой объективный признак хищения, указывающий на способ его совершения, как «завладение» («изъятие», «обращение»), вследствие

---

⁵⁷ Третьяк М. Субъективная сторона преступлений против собственности, предусмотренных статьями 158–165 УК РФ // Уголовное право. 2005. № 5. С. 58. — Еще в 80-е гг. XX столетия В. Н. Литовченко указывал, что извлечение материальной выгоды не отличается определенностью, ибо не проводит четкой грани между хищением и незаконным пользованием чужим имуществом (при котором у виновного отсутствует намерение безвозмездно завладеть имуществом); материальную выгоду можно извлечь путем совершения и иных преступлений, не являющихся хищением (Литовченко В. Н. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность (понятие хищения). М., 1985. С. 23–24).

⁵⁸ Хилюта В. В. Модернизация понятия «хищение» и его признаков на современном этапе // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 126–127.

чего цель хищения следует увязать со способом действия. В данном случае формулировка цели должна соответствовать описанию объективных признаков форм хищения и закономерно вытекать из внешне осязаемой преступной деятельности (законодатель должен исходить из единства цели для всех форм хищения);

4) при наличии корыстного мотива прямое уменьшение имущества (причинение реального ущерба собственнику или иному законному владельцу) — есть суть и содержание хищения; неполучение должного — признак иных преступлений (экономических, служебных);

5) в главе о преступлениях против собственности целесообразно выделить специальную уголовно-правовую норму, которая предусматривала бы ответственность за противоправное завладение или отчуждение чужого имущества при отсутствии цели обогащения (Статья №_. Противоправное отчуждение или завладение чужим имуществом: «Противоправное безвозмездное отчуждение или завладение в значительном размере чужим имуществом при отсутствии корыстных побуждений»).